

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

С учетом положений доктрины анализируются вопросы конститутивной и декларативной теорий признания государств. В контексте анализа критериев признания и непризнания новых государств отмечается, что наряду с материальными условиями государственности большое значение имеют критерии эффективности и легитимности. Критически оценивается концепция права на отделение части территории государства и признания такого образования в качестве государства в случае серьезного нарушения прав человека.

Ключевые слова: признание государств, конститутивная теория признания, декларативная теория признания, критерии признания, непризнание, признаки государственности, критерий эффективности, критерий легитимности

В современном мире нередко происходят события, в результате которых возникают новые государства. Подтверждением сказанному служат итоги проходившего с 9 по 15 января 2011 г. референдума по самоопределению Южного Судана¹. Это свидетельствует об актуальности изучения вопросов международно-правового признания государств.

Признание представляет собой сложное переплетение политики, международного и национального права. Политические и правовые элементы невозможно распутать; при признании или отказе в признании государства находятся под влиянием больше политических, нежели правовых соображений, однако их действия имеют правовые последствия².

Поскольку институт признания до сих пор остается некодифицированным, роль научной доктрины в этом вопросе – особая. Достаточно много зарубежной и отечественной литературы посвящено различным вопросам признания. Так, в отечественной доктрине профессор Д. И. Фельдман исследовал проблему кодификации института признания государств и правительств, юридическую природу, формы и способы международно-правового признания и др.³ Однако развитие международного права и международных отношений диктует необходимость дальнейшего исследования, анализа и систематизации международной теории и практики по вопросам признания.

В настоящее время в целом ученые пришли к консенсусу относительно понимания международно-правового признания. В самом общем виде признание – это акт, в котором выражается намерение признающего вступать в стабильные международно-правовые отношения с признаваемой стороной⁴. Признание означает подтверждение существования нового государства или нового правительства в имеющемся иностранном государстве, сопровождающееся выражением намерения признающего государства вступить в отношения с признаваемым образованием или правительством⁵. «Посредством признания существующие государства

* Кандидат юридических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань).

реагируют на возникновение новых государств – субъектов международного права – и на смену правительств в уже существующем государстве»⁶.

В международном праве юридическое значение, природа, сущность, правовые последствия и иные аспекты международного признания государств до сих пор вызывают дискуссии. С теоретической точки зрения интересен вопрос о том, является ли признание односторонним или двусторонним актом. Так, приверженцы концепции, согласно которой признание есть двусторонний юридический акт, утверждают, что в признании участвуют и старое, и новое государство. «Признает новое государство признающее. Именно ему принадлежит инициатива. Проявление ее вове и есть начало признания... Таким образом, на первом этапе признающий и признаваемый выполняют как бы разные функции. Но начальный момент – это не весь юридический акт признания. Как известно, признание влечет определенные последствия, которые и составляют вторую стадию признания юридического акта... На этом этапе два государства – признающее и признаваемое – играют одинаковую роль. Здесь уже недостаточно волеизъявления признающего государства. Ни одно из последствий признания не может быть осуществлено без воли признаваемого: ни дипломатические отношения, ни двусторонние договоры и т. п. На данной стадии признание носит несомненно двусторонний характер»⁷.

В связи с этим возникает ряд вопросов. Являются ли установление дипломатических отношений, заключение двусторонних договоров и др. неотъемлемой частью признания или же установление дипломатических отношений и заключение договоров представляют собой самостоятельные международные правоотношения, регулируемые нормами различных отраслей международного права? Если допустить, что признание – двусторонний акт, состоящий из двух стадий, то из этого будет логически следовать, что вторая стадия, охватывающая установление дипломатических отношений, заключение двусторонних договоров и т. п., носит длящийся характер, поскольку включает все формы взаимодействия и сотрудничества признающего и признаваемого государств. В таком случае вторая стадия признания как процесса будет длиться бесконечно или до тех пор, пока между государствами будут существовать и развиваться отношения. Между тем сложно представить подобное явление на практике.

Предпочтительнее выглядит подход к признанию как одностороннему юридическому акту, который способствует открытию возможностей для установления и развития между государствами двусторонних отношений и сотрудничества. Если же рассматривать признание как двусторонний акт, то теоретически «двусторонность» будет выражаться в цельном юридическом акте, представляющем собой признание признаваемого со стороны признающего и корреспондирующий этому «акцепт» такого признания со стороны признаваемого. Результатом будет взаимное принятие к сведению признающим и признаваемым государствами внутренних правопорядков друг друга. На практике это может проявиться в различных правовых последствиях. Во-первых, во взаимном учете органами представительной, исполнительной и судебной властей каждого из государств актов соответствующих органов другого государства. Это имеет большое значение в контексте правовых последствий признания, что выражается в «доктрине одного голоса», согласно которой в вопросах иностранных дел судебные и исполнительные органы власти выступают в один голос⁸. Во-вторых, в установлении дипломатических отношений, заключении международных договоров между государствами.

В таком понимании признание выступает в роли некоего «спускового крючка», задача которого сводится к приведению в действие политико-правовых механиз-

мов, способствующих установлению и развитию между государствами международно-правовых отношений, регулируемых различными отраслями международного права (права международных договоров, права внешних сношений и др.).

Как известно, в науке международного права предложены две исторически сформировавшиеся теории признания государств: конститутивная и декларативная. Согласно первой государство как субъект в международно-правовом смысле не существует, пока не будет получено признание. Признание конституирует государство, переводя из состояния фактического существования в юридическое, оно выступает предварительным условием международной правосубъектности государства, т. е. возникновение нового государства в международно-правовом смысле ставится в зависимость от волеизъявления других стран. Данной теории противостоит декларативная теория, по ней существование государства – вопрос факта, а признание представляет собой лишь констатацию такого факта. Признание не наделяет государство качеством субъекта международного права, а лишь способствует его полноценному вхождению в систему межгосударственных отношений. Таким образом, в первом случае признание считается «статус-создающим», во втором – только «статус-подтверждающим»⁹. Принципиальный вопрос, на который теории пытаются ответить: является ли признание необходимым условием или же просто следствием международной правосубъектности?¹⁰

Конечно, образование нового государства как субъекта международного права нельзя ставить в зависимость от воли признающих государств, поскольку это противоречит принципу суверенного равенства всех государств. Они равны между собой вне зависимости от времени их создания и объема прав и обязанностей. Согласно Декларации о принципах международного права 1970 г.¹¹ «каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств». При этом документ не проводит разграничения между уже существующими государствами-субъектами международного права и теми, которые только что появились или могут появиться на международной арене¹².

Конститутивная теория не лишена и иных недостатков. Так, по справедливому замечанию М. Шоу, исходя из смысла данной концепции можно предположить, что «непризнанное» государство может быть не обременено обязательствами, налагаемыми международным правом, следовательно, оно может освобождаться от такого ограничения, как, например, запрет агрессии. Еще одна сложность может возникнуть в случае, если новое государство признано одними государствами и не признано другими. Можно ли в таком случае говорить о частичной правосубъектности нового государства?¹³ Разумеется, невозможно представить государство, обладающее частичной правосубъектностью, а приведенные доводы призваны лишь подчеркнуть спорность конститутивной теории с точки зрения современного международного права. В целом же в настоящее время она опровергается международной практикой и подвергается критике большинства представителей доктрины¹⁴.

Вместе с тем, по мнению ряда авторов, на практике на признание может влиять конститутивная теория¹⁵. Если образование государства или правительства происходит с нарушением международного права, они рассматриваются как несуществующие до тех пор, пока не будут признаны. При этом в качестве примера приводится отказ западных держав в течение многих лет признавать существование Германской Демократической Республики (ГДР), связанный главным образом с тем, что они рассматривали ее образование как нарушение Советским Союзом обязательств по договорам, заключенным между союзниками относительно

управления Германией после Второй мировой войны. Следовательно, признание ГДР в 1973 г. имело конститутивный эффект для западных держав, поскольку преодолело незаконность происхождения ГДР и преобразовало юридическую недействительность в государство¹⁶. Утверждение о влиянии теории на признание несколько спорно, в том числе применительно к приведенному примеру. Если создание нового государства происходит с нарушением международного права и международным сообществом достигнут консенсус об оценке такого факта как незаконного и непризнании нового государства, то образование будет рассматриваться членами указанного международного сообщества как несуществующее до тех пор, пока не будет устранено нарушение международного права или иным образом разрешена сложившаяся ситуация. Признание же может последовать за разрешением такой ситуации.

Если же подобный консенсус не достигнут, то непризнание определенной группой государств вряд ли может серьезно сказаться на реальной правосубъектности государства. В этом смысле признание западными державами ГДР, скорее, не создало государство, а лишь подтвердило его существование, расширив круг его межгосударственных отношений. Такой подход применяется и в современной практике. В частности, Союзная Республика Югославия (СРЮ), образовавшаяся в 1992 г. вследствие распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), была признана многими западными государствами лишь в 1996 г., а в ООН принята в 2000 г.¹⁷ Однако это не мешало СРЮ осуществлять деятельность на международной арене в качестве субъекта международного права, о чем свидетельствует хотя бы практика Международного суда ООН по рассмотрению спора между Боснией и Герцеговиной и СРЮ в 1993 г. по делу о применении Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него¹⁸. В то же время лишь с некоторыми оговорками можно согласиться с точкой зрения, согласно которой в «пограничных» ситуациях, когда обстоятельства носят неопределенный характер, признание может иметь доказательственное значение, при этом оно будет «полу-конститутивным»¹⁹.

Во всех остальных случаях признание декларативно. Возникновение государства автоматически знаменует появление нового субъекта международного права, а признание сводится лишь к констатации юридического факта возникновения государства. Признание позволяет государству наиболее полно пользоваться своими основными правами и нести обязанности, участвовать в создании и обеспечении международно-правовых норм.

В настоящее время декларативная теория признания находит поддержку не только в доктрине международного права, но и в практике государств, в частности европейских. Например, в Заключении № 1 Арбитражная комиссия, созданная Международной конференцией по Югославии в 1991 г., отметила, что существование или прекращение существования государства – вопрос факта (a question of fact), а признание со стороны других государств считается чисто декларативным (purely declaratory) (п. 1а)²⁰, что было подтверждено и в Заключении № 10²¹.

Декларативный подход к международно-правовому признанию в целом доминировал и продолжает доминировать в отечественной доктрине международного права, несмотря на отдельные высказывания в пользу конститутивной теории²².

Однако и в отношении декларативной теории тоже звучат критические оценки, в частности утверждается, что «если государство существует фактически, то оно должно существовать в праве». «Иначе говоря, указанная теория предполагает, что просто фактическая ситуация, которая является результатом соответствия

критериям государственности, влекла бы *ipso facto* международную правосубъектность, что некорректно. Международная правосубъектность не происходит из простого существования фактической ситуации. Это результат существования международной правовой нормы, которая требует существования определенных фактов для приписывания международной правосубъектности такой фактической ситуации»²³. Таким образом, декларативная теория небезупречна²⁴.

Несмотря на то что с позиции декларативной теории и современной практики признание не имеет определяющего значения для правосубъектности государства, нельзя не учитывать, что «фактическое пользование правами зависит от признания нового государства субъектом международного права другими государствами»²⁵, поскольку правоотношения между странами возможны лишь в случае, если они признают друг друга субъектами международного права. Может ли государство полноценно пользоваться правами и нести обязанности, не будучи признанным? Согласно ст. 12 Устава Организации американских государств «политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами»²⁶. Кроме того, на практике не получившие признание государства выступают объектом международных претензий со стороны отдельных государств, отказывающихся им в признании. Например, арабские государства продолжают утверждать, что Израиль связан обязательствами по международному праву, хотя только некоторые из них признали Израиль²⁷.

Возлагает ли международное право на государства обязанность по признанию новых государств? Основные принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН и конкретизированные в Декларации о принципах международного права 1970 г., возлагают на государства обязанности по сотрудничеству и развитию дружественных отношений, невзирая на существующие между ними различия. Предпосылкой для установления сотрудничества является признание. Следовательно, отказ в признании может расцениваться как действие, не вполне совместимое с принципом сотрудничества государств. Однако сказанное относится к случаям, когда новое образование соответствует всем критериям государственности, его возникновение носит правомерный характер, т. е. не противоречит целям и принципам Устава ООН (например, принципам неприменения силы, территориальной целостности, нерушимости границ и др.). Даже если образование удовлетворяет всем традиционным критериям государственности и тем самым существует как эффективное образование, если эта эффективная ситуация была осуществлена в нарушение основополагающих международно-правовых норм, то такое нарушение препятствует приобретению государственности²⁸.

Неправомерность создания государства изначально не порождает правовых последствий и не влечет появления нового государства как субъекта международного права. Лишь государства, созданные правомерно, с момента создания обретают международную правосубъектность, т. е. становятся обладателями основных прав и носителями основных обязанностей по международному праву. Признание констатирует этот факт и тем самым открывает возможности для приобретения вновь созданным государством индивидуальных прав и обязанностей путем вступления в отношения с признающими его государствами, что позволяет ему стать полноправным членом международного сообщества. Следовательно, вопрос о признании должен решаться в тесной связи с вопросом о правомерности образования нового государства, что на практике предполагает учет конкретных обстоятельств. В связи с этим в доктрине особое внимание уделяется не только традиционному критерию эффективности, но и правомерности как относительно

современному критерию²⁹. Последнее порой может играть ключевую роль при принятии решения о непризнании образования, созданного с нарушением норм и принципов международного права.

Отказ мирового сообщества от признания государств, созданных путем одностороннего провозглашения независимости и в нарушение общепризнанных принципов и норм международного права, служит фактором обеспечения международного правопорядка, о чем свидетельствует международная практика коллективного непризнания³⁰. Важную роль в этом процессе играет ООН. Наиболее яркими примерами непризнания с участием ООН являются: непризнание провинции Катанга, пытавшейся отделиться от Демократической Республики Конго в 1960 г.³¹; отказ в признании Южной Родезии, объявившей в 1965 г. о своей независимости от нынешней Зимбабве³²; заявление о неправомерности создания Турецкой Республики Северного Кипра и призыв не признавать это сепаратистское образование и уважать суверенитет, территориальную целостность, единство и политику неприсоединения Республики Кипр³³ и др. Достаточно богатая практика непризнания, сформированная прежде всего с участием ООН³⁴, позволяет ставить вопрос о международно-правовом непризнании как компоненте института признания в международном праве.

При отсутствии соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН на государствах все равно лежит обязанность по непризнанию нового образования, появившегося в результате нарушения основных принципов и норм международного права. Кроме того, непризнание может исходить и от региональных организаций. К примеру, одностороннее провозглашение туарегами независимости государства Азавад в северной части Мали было встречено отказом в признании со стороны Африканского союза, Европейского союза и ряда европейских государств³⁵.

Для международно-правового признания государства важны критерии признания, многие из которых весьма тесно связаны с наличием атрибутов государственности у конкретного образования. Признание в отсутствие материальных условий государственности рассматривается как нелегитимное, данного мнения придерживаются сторонники как декларативной, так и конститутивной теории³⁶.

Широко признанные в международном праве критерии государственности основаны на ст. 1 Межамериканской конвенции прав и обязанностей государств, принятой в 1933 г. в Монтевидео, Уругвай³⁷. Согласно положениям указанной статьи государство как субъект международного права должно обладать следующими признаками: а) постоянным населением; б) определенной территорией; в) правительством; г) способностью вступать в отношения с другими государствами. Население должно быть достаточно устойчивым и имеющим прочную связь с территорией, а территория на момент образования государства должна быть относительно определенной. Это означает, что может не быть четко обозначенных границ, лишь после образования и признания государства они могут быть установлены по соглашению с соседними государствами. Под правительством подразумевается организованная политическая власть с властным аппаратом, осуществляющим эффективное управление населением и территорией. Эффективность в данном случае выступает определенным тестом на наличие или отсутствие реального и действенного аппарата власти. Существенным признаком считается также способность осуществлять международные отношения, под которой подразумевается юридическая способность самостоятельно вступать в отношения с другими государствами, в чем выражаются независимость и отсутствие внешнего контроля.

Конечно, перечисленные признаки государственности по отдельности или в целом могут иметь различную степень детерминированности, однако представить полноценное современное государство как субъекта международного права без них невозможно. Кроме того, важным качеством государства является суверенитет. Как известно, в самом общем виде под суверенитетом понимают верховенство государства на собственной территории и его независимость в международных отношениях. Это присущее всем государствам неотъемлемое политико-юридическое качество, которым они обладают с момента возникновения и вплоть до прекращения существования. Суверенитет государства не может быть ограничен, кроме как добровольно или в качестве ответственности за грубое нарушение норм международного права.

Отсутствие какого-либо из признаков государственности либо создание государства в нарушение норм и принципов международного права могут служить основанием отказа в признании. К примеру, действия Южно-Африканской Республики по созданию и провозглашению «показной» независимости Транскей и других бантустанов подверглись осуждению и были признаны недействительными, что, в частности, нашло отражение в актах ООН³⁸.

В последнее десятилетие XX в. наметилась тенденция к возрождению коллективного признания в международной практике и доктрине. Возросшее значение признания новых государств для стабильности и сохранения международного мира и безопасности привело к эволюции института международного признания: повышению предъявляемых требований и выработке дополнительных критериев признания. Примером являются положения Руководства о признании новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе³⁹, принятого Европейским Сообществом 16 декабря 1991 г. В Руководстве Сообщество и государства-члены провозгласили в качестве условий признания новых государств соблюдение признаваемых государствами правопорядка, демократии и прав человека, уважение прав этнических и национальных групп и меньшинств, нерушимости границ, признание обязательств по разоружению и нераспространению ядерного оружия, решение соглашением или в арбитражном порядке всех вопросов сепарации и региональных споров. Несмотря на отдельные критические замечания в отношении Руководства как непрактичного и «политически наивного», «принятого без должного учета правовых и политических последствий»⁴⁰, все же нельзя недооценивать его значение. Содержащиеся в Руководстве новые требования, обуславливающие признание новыми прогрессивными международно-правовыми критериями, думается, были призваны способствовать координации действий существующих государств при признании новых государств и тем самым придавать данному процессу предсказуемый и демократический характер.

Руководство содержало также некоторые критерии, служащие основанием для непризнания. Так, Сообщество и государства-члены обязались не признавать новые образования, возникшие в результате агрессии. При этом можно предположить, что в данном случае не имеет значения, идет ли речь об агрессии со стороны государства, коалиции государств или военной организации⁴¹.

Безусловно, Руководство ограничивается признанием определенных стран в конкретный период. Однако положения указанного документа могут быть рассмотрены как имеющие правовые последствия для европейских стран, поскольку, хотя они и были выражены в акте Европейского Сообщества, единообразная практика их реализации государствами-членами Сообщества широко признана государствами, не являющимися членами. Следовательно, с учетом ряда огово-

рок вполне допустимо считать такую деятельность Сообщества доказательством сложившейся практики, в то же время нужно поставить вопрос о признании этой практики в качестве обязательной. Это позволило бы сформировать последовательную практику европейских (а впоследствии и неевропейских) государств по признанию новых государств и исключить возможность принятия кардинально противоположных решений по вопросам признания в схожих ситуациях.

Говоря о признании государств, нельзя не затронуть вопрос о самоопределении. В настоящее время принцип права народов на самоопределение – один из императивных принципов международного права, его уважение другими государствами признается обязательством *erga omnes*, о чем свидетельствует практика Международного суда ООН⁴². Однако этим принципом часто злоупотребляют, пытаясь толковать его исключительно в контексте отделения (сецессии). В связи с этим нельзя не отметить справедливое высказывание о том, что «принцип права народов на самоопределение в постколониальном контексте не о праве на отделение, а о праве каждого без расового, этнического, религиозного или языкового различия участвовать в политической жизни страны на равных условиях. Это не право на исключение кого-то, это право быть вовлеченным»⁴³. Создание государства в результате внешнего самоопределения народа, находящегося под колониальным и иным гнетом в нарушение норм международного права, безусловно, может быть признано правоммерным, поскольку самоопределение является основополагающим принципом современного международного права.

Однако сказанное абсолютно неприменимо к сепаратизму, поскольку он не имеет под собой международно-правовой базы⁴⁴. Вместе с тем в последнее время все чаще звучат аргументы в пользу того, что серьезное и систематическое нарушение существующим государством прав человека в отношении лиц, принадлежащих к конкретной группе, проживающей на определенной территории, влечет возникновение права на отделение («remedial secession») как последнее средство («ultima ratio») и признание такого образования в качестве независимого государства. Думается, данные аргументы нельзя рассматривать как удовлетворительные в правовом смысле, поскольку они являются доктринальными, носят морально-эмоциональный характер и не имеют серьезной международной нормативной базы. При этом следует подчеркнуть, что попытка установления в международной доктрине и практике права на отделение территории от существующего государства и признание такого образования в качестве независимого государства в случаях серьезного нарушения прав человека в отношении лиц, принадлежащих определенной группе, стала бы подменой существующих международных и национальных юридических механизмов защиты прав человека, закрепленных в ряде международных (универсальных и региональных) и национальных правовых актов.

Подмена нормативно установленных юридических механизмов защиты прав человека доктринальными концепциями и признание на этой основе независимости новых государств без серьезной международно-правовой аргументации права конкретной части населения на отделение и создание нового государства могут создать «цепную реакцию» опасных прецедентов, противоречащих принципам международного права и угрожающих стабильности, миру и безопасности в различных регионах мира, поскольку многие этнические группы, проживающие в более или менее этнически однородных образованиях, могут потребовать отделения от независимых государств.

Тем не менее признание в феврале-марте 2008 г. США и рядом европейских государств независимости Косово и признание Российской Федерацией неза-

висимости Республик Абхазия и Южная Осетия в августе 2008 г. стали новым и несколько неоднозначным прецедентом с точки зрения установившейся практики признания государств. Признание указанных образований является скорее политически мотивированным, нежели юридически обоснованным. Используемая риторика и звучащие аргументы в пользу признания, в том числе касающиеся уникальности ситуаций, выглядят не совсем убедительными и вызывают справедливую критику с точки зрения международного права и практики⁴⁵. Конечно, сложно представить себе механизмы возврата в прежнее состояние, которое существовало до признания названных образований. Остается лишь надеяться, что подобные ситуации не повторятся в будущем.

¹ URL: <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=15031>.

² Akehurst's Modern Introduction to International Law. 7th rev. / ed. by P. Malanzuk. N. Y., 1997. P. 82.

³ Фельдман Д. И. Признание правительств в международном праве. Казань, 1961; *Его же*. Современные теории международно-правового признания. Казань, 1963; *Его же*. Признание государств в современном международном праве. Казань, 1965.

⁴ Курс международного права: в 7 т. Т. 3. М., 1990. С. 109.

⁵ Glahn G. von. Law among Nations: an Introduction to Public International Law. 7th ed. Massachusetts, 1996. P. 66.

⁶ Фельдман Д. И. Признание государств в современном международном праве. С. 50.

⁷ Там же. С. 59.

⁸ Talmon S. Recognition of States and Governments in International Law // ADA Biweekly Newsletter. 2008. Vol. I. № 19. P. 9; URL: <http://ada.edu.az/biweekly/issues/158/20090328015413680.html>.

⁹ Ibid. P. 8.

¹⁰ Hillier T. Principles of Public International Law. 2nd ed. L., 1999. P. 96.

¹¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. A/Res/2625 (XXV) «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций».

¹² Курс международного права. Т. 3. С. 108.

¹³ Shaw M. International Law. 6th ed. Cambridge, 2008. P. 446.

¹⁴ Об аргументах относительно критической оценки конститутивной теории см.: Raič D. Statehood and the Law of Self-Determination. The Hague, 2002. P. 33–37.

¹⁵ Akehurst's Modern Introduction to International Law. P. 83.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 1 ноября 2000 г. A/RES/55/12 «Прием Союзной Республики Югославии в члены Организации Объединенных Наций».

¹⁸ Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Federal Republic of Yugoslavia (Serbia and Montenegro)). Provisional Measures. Order of 8 April 1993 // I. C. J. Reports. 1993. P. 3.

¹⁹ Akehurst's Modern Introduction to International Law. P. 84.

²⁰ Opinion 1 of the Arbitration Commission of the International Conference on Yugoslavia // International Legal Materials. 1992. Vol. 31. № 6. P. 1495.

²¹ Opinion 10 of the Arbitration Commission of the International Conference on Yugoslavia // Ibid. P. 1526.

²² Хлестов О. Н. Международное право и Россия // Московский журн. междунар. права. 1994. № 4. С. 52–59; Вельяминов Г. М. Правовой статус субъектов Российской Федерации и проблемы признания // Там же. 1995. № 2. С. 3–12.

²³ Raič D. Op. cit. P. 38.

²⁴ Об аргументах относительно критической оценки декларативной теории см.: Raič D. Op. cit. P. 38–39.

²⁵ Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. факультетов и вузов. М., 2005. С. 347.

²⁶ Charter of the Organization of American States // URL: <http://www.oas.org/juridico/english/charter.html>.

²⁷ Hillier T. Op. cit. P. 98.

²⁸ Raič D. Op. cit. P. 38.

²⁹ Подробнее см.: Raič D. Op. cit. P. 50–58, 151–158.

³⁰ Доктрина непризнания известна еще с 1930-х гг. как доктрина Стимсона (по имени Г. Л. Стимсона – государственного секретаря США в 1929–1930 гг.). Подробнее см.: *Turns D. The Stimson Doctrine of Non-Recognition: Its Historical Genesis and Influence on Contemporary International Law // Chinese Journal of International Law. 2003. Vol. 2. № 1. P. 105–143.*

³¹ Резолюции Совета Безопасности ООН от 14 июля 1960 г. S/RES/143 (1960); от 9 августа 1960 г. S/RES/146 (1960); от 30 декабря 1964 г. S/RES/199 (1964) и др.

³² Резолюции Совета Безопасности ООН от 12 ноября 1965 г. S/RES/216 (1965); от 20 ноября 1965 г. S/RES/217 (1965); от 29 мая 1968 г. S/RES/253 (1968) и др.

³³ Резолюции Совета Безопасности ООН от 18 ноября 1983 г. S/RES/541 (1983); от 11 мая 1984 г. S/RES/550 (1984) и др.

³⁴ Подробнее см.: *Курдюков Г. И. ООН и непризнание в международном праве // Современные проблемы развития международного и конституционного права: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. Д. И. Фельдмана / отв. ред. Г. И. Курдюков, О. М. Смирнова. Казань, 2008. С. 165–174; Егз же. ООН о признании и непризнании в международном праве // Казанский журн. междунар. права. 2008. № 2. С. 4–10.*

³⁵ Mali Tuareg Rebels Declare Independence in the North // URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-17635437>.

³⁶ *Raič D. Op. cit. P. 33.*

³⁷ Convention on Rights and Duties of States // URL: <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-40.html>.

³⁸ Резолюции Совета Безопасности ООН от 22 декабря 1976 г. S/RES/402 (1976) и от 25 мая 1977 г. S/RES/407 (1977); заявления Совета Безопасности ООН от 21 сентября 1979 г. S/PV.2168 «Вопрос о Южной Африке: письмо Постоянного представителя Либерии при ООН от 14 сентября 1979 г. на имя Председателя Совета Безопасности (S/13542)» и от 7 декабря 1981 г. S/PV.2315 «Вопрос о Южной Африке: письмо Постоянного представителя Ботсваны при ООН на имя Председателя Совета Безопасности (S/14787)».

³⁹ European Community: Declaration on Yugoslavia and on the Guidelines on the Recognition of New States // International Legal Materials. 1992. Vol. 31. № 6. P. 1485–1487.

⁴⁰ См., например: *Aust A. Handbook of International Law. Cambridge, 2005. P. 18.*

⁴¹ Однако следует сделать небольшую оговорку о том, что согласно буквальному толкованию положений резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. A/RES/3314 (XXIX) «Определение агрессии» субъектом акта агрессии могут быть государство либо группа государств, а военная организация как таковая не совсем подпадает под субъект данного акта.

⁴² См., например: консультативное заключение о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории от 2004 г., параграф 155 (Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion 9 July 2004 // I. C. J. Reports. 2004. P. 136); решение по делу «Барселона Трэкшн», вторая стадия, от 1970 г., параграф 33 (Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited, Judgment 5 Feb. 1970 // Ibid. 1970. P. 3).

⁴³ *Müllerson R. Precedents in the Mountains: On the Parallels and Uniqueness of the Cases of Kosovo, South Ossetia and Abkhazia // Chinese Journal of International Law. 2009. Vol. 8. № 1. P. 18.*

⁴⁴ Следует отметить, что относительно сепаратизма (сепессии) высказываются несколько иные суждения, согласно которым не существует такого права. «Сепессия является просто фактом, который, конечно, может повлечь правовые последствия. С точки зрения международного права сепессия не является незаконной...» (*Hilpold P. The Kosovo Case and International Law: Looking for Applicable Theories // Chinese Journal of International Law. 2009. Vol. 8. № 1. P. 55.*)

⁴⁵ См., например: *Müllerson R. Op. cit. P. 18; Borgen Ch. The Language of Law and the Practice of Politics: Great Powers and the Rhetoric of Self-Determination in the Cases of Kosovo and South Ossetia // Chicago Journal of International Law. 2009. Vol. 10. № 1; URL: <http://ssrn.com/abstract=1472068> и др.*

Bibliography

- Akehurst's Modern Introduction to International Law. 7th rev. / ed. by P. Malanszuk. N. Y., 1997.
- Aust A. Handbook of International Law. Cambridge, 2005.*
- Borgen Ch. The Language of Law and the Practice of Politics: Great Powers and the Rhetoric of Self-Determination in the Cases of Kosovo and South Ossetia // Chicago Journal of International Law. 2009. Vol. 10. № 1; URL: <http://ssrn.com/abstract=1472068>.*
- Fel'dman D. I. Priznanie gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave. Kazan', 1965.*
- Fel'dman D. I. Priznanie gosudarstv v mezhdunarodnom prave. Kazan', 1961.*
- Fel'dman D. I. Sovremennye teorii mezhdunarodno-pravovogo priznaniya. Kazan', 1963.*
- Glahn G. von. Law among Nations: an Introduction to Public International Law. 7th ed. Massachusetts, 1996.*
- Hillier T. Principles of Public International Law. 2nd ed. L., 1999.*

Hilpold P. The Kosovo Case and International Law: Looking for Applicable Theories // Chinese Journal of International Law. 2009. Vol. 8. № 1.

Kurdyukov G. I. OON i nepriznanie v mezhdunarodnom prave // Sovremennye problemy razvitiya mezhdunarodnogo i konstitucionnogo prava: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashhennoj pamyati prof. D. I. Fel'dmana / otv. red. G. I. Kurdyukov, O. M. Smirnova. Kazan', 2008.

Kurdyukov G. I. OON o priznanii i nepriznanii v mezhdunarodnom prave // Kazanskij zhurn. mezhdunar. prava. 2008. № 2.

Kurs mezhdunarodnogo prava: v 7 t. T. 3. M., 1990.

Lukashuk I. I. Mezhdunarodnoe pravo. Obshhaya chast': ucheb. dlya studentov yurid. fakul'tetov i vuzov. M., 2005.

Müllerson R. Precedents in the Mountains: On the Parallels and Uniqueness of the Cases of Kosovo, South Ossetia and Abkhazia // Chinese Journal of International Law. 2009. Vol. 8. № 1.

Raič D. Statehood and the Law of Self-Determination. The Hague, 2002.

Shaw M. International Law. 6th ed. Cambridge, 2008.

Talmon S. Recognition of States and Governments in International Law // ADA Biweekly Newsletter. 2008. Vol. 1. № 19; URL: <http://ada.edu.az/biweekly/issues/158/20090328015413680.html>.

Turns D. The Stimson Doctrine of Non-Recognition: Its Historical Genesis and Influence on Contemporary International Law // Chinese Journal of International Law. 2003. Vol. 2. № 1.

Vel'yaminov G. M. Pravovoj status sub'ektov Rossijskoj Federacii i problemy priznaniya // Moskovskij zhurn. mezhdunar. prava. 1995. № 2.

Xlestov O. N. Mezhdunarodnoe pravo i Rossiya // Moskovskij zhurn. mezhdunar. prava. 1994. № 4.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Президент Мексики предложил изменить название страны

<http://lenta.ru/news/2012/11/23/name>

Президент Мексики Фелипе Кальдерон предложил убрать слова «Соединенные Штаты» из официального названия страны. Как сообщает «Associated Press», такой законопроект президент направил 22 ноября в парламент.

«Пришло время, когда мексиканцы должны вернуть своей родине красивое и простое название: Мексика», — заявил президент, подчеркнув, что имя страны появилось в XIX в. «в подражание другим государствам». Мексиканскими Соединенными Штатами страна была названа в 1824 г., после того, как добилась независимости от Испании.

Официальное название встречается преимущественно в официальных документах, а также на денежных купюрах. Кальдерон напомнил, что оно практически не используется в повседневной жизни. «Простите за каламбур, но имя Мексики — Мексика», — заявил президент.